

История разведок и раскопок древних объектов: воспоминания о развитии донской археологии, связанные с работами в зоне деятельности РЭМЗ

(Отрывки из книги)

Кияшко В.Я.

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Всему бывает конец, пришёл черёд и Константиновским сезонам. В течение одиннадцати лет мы вскрыли более 80% площади поселения; накоплен огромный научный материал. Между тем, за прошедшие годы появились и новые памятники, требующие срочных спасательных работ; пора было менять базу. Мучительный этот процесс растянулся в несколько этапов. Вначале мы пытались как-то совмещать Константиновку с раскопками на других объектах: копали неолит на Северском Донце, курганы Миусского полуострова. В 1978 году решились, наконец, провести практику студентов в совершенно новом месте, исследуя разрушенное карьером поселение ранней бронзы у хутора Затон на севере области. Решимости хватило ненадолго, – в следующем сезоне Константиновские холмы вновь встречали экспедицию, в двенадцатый раз. Минул ещё год и новая разлука, теперь окончательная, стала неизбежной. На этот раз необходимо было копать курганы на строительстве оросительной системы в Мартыновском районе Ростовской области. И, хотя результаты оказались интересными, всё же появилось стремление подыскать для успеха будущих практик объект подобный Константиновке. Так в 1981 году пришли Раздоры.

Гигантской полого развёрнутой к юго-востоку подковой простёрся замечательный участок донского правобережья от р.п. Усть-Донецкий до ст. Мелиховской. Высокая, метров шестьдесят, цепь холмов отгораживает узкую прибрежную полосу от холодных северных ветров. Из-под крутых, местами обрывистых её склонов чуть ли не на каждом километре пробиваются чистые родники. Вдоль восточной половины подковы тянется, повторяя изгибы древнего русла, слабенькая протока – Сухой Донец. И если началом пространства мы определили молодой, возникший в середине прошлого века, поселок-порт Усть-Донецк (названный так по Северскому Донцу), то по-над Сухим Донцом стоят старинные хутора: Крымский, Виноградный, Ольховский, Каныгин. Но самая древняя в этом ряду, бесспорно, ст. Раздорская. Здесь современный Дон моет кручу, образует живописные отмели и острова, мчит мимо х. Пухляковского, чтоб у ст. Мелиховской отойти от коренной террасы и странствовать по намывному пойменному пространству.

Чудо как хороша здесь природа! Обилие воды и прогретые солнцем песчаные склоны создали в последние века славу донскому виноделию; чистый воздух, зелень и пляжи манят туристов, красота пейзажей зовёт художников, а мир растений и животных настоящий рай для натуралистов. Это теперь. Но и в древности природные богатства: родники, река и острова, кремень и камень, обилие рыбы, пастбища и охотничьи угодья – всё влекло сюда население, во все времена: от палеолита до исторического средневековья. А коли так, значит лежит здесь непочатый край работы и для историков и археологов.

В конце XIX века замечательный донской краевед и общественный деятель Харитон Иванович Попов формировал в Новочеркасске первый на Дону музей. В числе многих материалов, поступающих из Области Войска Донского, в коллекцию попал и необычный древний круглодонный сосуд с замысловатым прочерченным орнаментом. Изделие эпохи энеолита, и ныне хранящееся в фондах, было выловлено неводом в Дону, – выше ст. Раздорская. Второе, хотя и косвенное, свидетельство о первобытных памятниках этого района содержит литературное произведение. Действие одного из ранних рассказов А.С. Серафимовича «На плотах» происходит в Раздорской (автор какое-то время здесь жил и работал). Герои рассказа, молодой аптекарь и старый казак, беседуя на высоком холме над станицей, поднимают с земли каменный наконечник стрелы. Эта деталь отражает реальное положение — находки древностей на территории станицы часты и в наши дни.

Жители Раздор по праву гордятся историческим прошлым; и ролью городка в ранней истории казачества, и тем, что в станице жил и работал, кроме упомянутого писателя, ещё художник В.И. Суриков, и памятными

эпизодами происходивших здесь событий минувшей войны. В один ряд с этими приоритетами можно поставить и многолетнюю деятельность раздорского учителя и краеведа Леонида Тимофеевича Агаркова.

Для археологии имя Л.Т. Агаркова связано, прежде всего, с открытием уникальных памятников в окрестностях станицы* и с созданием станичного музея.

В 1958 году в составе Кобяковской экспедиции неожиданно появилась Татьяна Дмитриевна Белановская – ленинградский археолог. Неожиданность заключалась в том, что она – специалист по Триполью – приехала в совершенно новый для себя район на памятник, самые ранние слои которого, датированы первым тысячелетием до н.э. Похоже, что С.И. Калошина просто пригласила близкую знакомую побыть летние месяцы на юге, в экспедиции. Однако, деятельная Татьяна Дмитриевна, не смирилась с ролью курортницы и настояла на проведении разведок. Слава, Ирина (дочь С.И. Капошиной, биолог) и я составили маленький отряд, когорый под руководством Т.Д. Белановской начал с ближних экскурсий и работ (в посёлке Большой Лог под Аксаем), а закончил дальними поездками по Нижнему Дону и Северскому Донцу. Именно тогда, при посещении ст. Раздорской, местный учитель (Л.Т. Агарков – Прим. ред.) показал великолепные неолитические материалы и рассказал о находках на островах и окраинах станицы. Особенно впечатляли находки на оконечности острова Поречный. Часть вещей была собрана на песчаных выбросах земснаряда, углубляющего фарватер, но часть добыта непосредственно из размытых волнами слоёв горелых раковин и золы.

Информации было достаточно, чтобы Татьяна Дмитриевна в следующий сезон продолжила разведки, а ещё через год возглавила многолетнюю экспедицию и практику студентов Ленинградского университета на многослойном памятнике Ракушечный Яр. Работы с перерывами длились до 1979 года, и их результатом стало открытие своеобразной неолитической Ракушечной культуры эпохи неолита.

Вот в каком замечательном месте предстояло нам работать!

Раскапывая Константиновку в 70-е годы, я поддерживал дружескую связь с соседней экспедицией; приезжала в гости Татьяна Дмитриевна; часто бывали в Раздорах и мы. И каждый раз, ожидая на берегу лодку для переправы на остров, рассматривали перекрытые свалкой золистые слои в спускающихся к реке обрывах. Традиционно считалось, что это остатки средневекового поселения, отмеченного в 30-е годы ещё М.И. Артамоновым. Однако, в коллекции Л.Т. Агаркова отсюда были и более ранние находки, а в пору первых разведок Т.Д. Белановской рядом со слоями расчистили два погребения эпохи бронзы. «Красный Яр» – так называли этот обрыв станичники – был, на мой взгляд, перспективным объектом для исследования, тем более, что возникшая свалка мусора и река, постоянно размывающая берег, уничтожали памятник.

Весна 1981 года выдалась особенно разрушительной, паводок длился почти два месяца. И вот в начале июня я стою на краю обрыва над ещё стремительным течением и рассматриваю отшлифованный водой береговой обрыв. Разлив ликвидировал груды современных отходов, подмыл и частично обрушил выступы террасы, обнажив во всей красе многометровую свиту слоёв. Здесь можно насчитать до десятка пластов различной мощности, отличающихся друг от друга цветом и структурой: тёмный гумус сменяется песчаным горизонтом, подстилающий зольник уступает место светлому лёссу с остатками раковин, глинистые трамбовки перекрывают прослойки гравия, под которыми начинается пёстрая толща с пятнами прокала и т. д. Местами из этого великолепия выступают косточки, вкраплены угольки; а вот и керамика. Небольшой охристый черепок торчит примерно на середине разреза, но как его достать? Сверху – невозможно, почти три метра, не дотянуться. Придётся лезть в воду, под берегом глубина по пояс. Пожалуй, оттуда можно выковырять его удилицем. Но как удержаться на скользкой глине при таком течении? И потом, надо суметь поймать падающую находку, в мутной воде потом не найти – унесёт!

Проявляя чудеса эквилибристики, я сделал это! Мокрый, продрогший, но счастливый люблюсь маленьким венчиком с характерным для Константиновской культуры косым срезом и узором, нанесенным тонким шнуром, смотрю и не верю глазам. Ведь ниже уровня, из которого он выпал, тянется ещё более двух метров более ранних наслоений, вот это памятник! Решено, будем копать только здесь!

В июле могучий военный трёхосник с экспедиционным оборудованием нарушил покой узенькой станичной улочки. За околицей разбитая колея пошла по холмам, миновали место будущих раскопок, едем дальше, но вот река круто отвернула вправо, а налево, под террасой, светлым пятном на фоне бушующего зелёного мира обозначилась группа серебристых тополей. Машина медленно свернула с дороги и словно ощупью, приминая путаницу трав, поползла к этому оазису. Где-то здесь, по рассказам местных жителей,

должен быть хороший родник, – то, что необходимо для лагеря. Мы вдвинулись на небольшую полянку, густо окружённую дуплистыми ракетами, дикими грушами, кустами шиповника и заглушили ревущий мотор. Порхающие бабочки, прохлада и звенящая тишина. Разминая ноги, я прыгнул с высокой ступени грузовика в это чудо и сделал несколько интуитивных шагов в направлении холмов. Слабый, почти неуловимый шелест заставил меня раздвинуть кусты, и вот она, прозрачная струя, стремится по песчаному руслу. Из лодочки ладоней через ноющие от холода зубы глотаю изумительную воду и понимаю – это наше место. Водитель, рационально ожидавший меня за рулём, даже не спрашивает, он видит решение на моем лице, выбирается из кабины и начинает расшнуровывать тент. А я возвращаюсь на дорогу встречать студентов. Подъехавший следом автобус не решается съезжать на целину.

Формирование лагеря на новом месте – процесс ответственный. Надо продуманно, чтоб не нарушить экологию, определить участки будущих палаток, костра, кухни, стоянки транспорта, оборудовать отхожие места, наметить тропинки. От удачной планировки зависит успех дела. К счастью, у меня теперь есть помощники: лаборант Володя, научный сотрудник Леонид и костяк из испытанных в прежних экспедициях студентов, среди которых и старший сын. С их помощью практиканты резво выгружают и переносят вещи. После организационной летучки даю всем пятнадцать минут, чтоб пришли в себя от многочасовой поездки. Почувствовав свободу, первокурсники разбрелись по зелени, стали лакомиться обильной шелковицей, а самые бойкие уже подошли с вопросом: «Как пройти к Дону искупаться?». Пришлось жёстко напомнить о распорядке, о необходимости ставить палатки, строить кухню, рыть погреб и т. д. Со страдальческим видом бедолаги начали неумело распутывать верёвки палаток, долго выбирать лопаты, спорить и указывать друг другу, как надо работать. Увы, за истёкшие с первой Константиновской экспедиции годы трудовое воспитание молодёжи явно деградировало.

Остаток дня прошёл в обычной для приезда суете. Однако к вечеру общими усилиями многое было сделано. Слава Богу, экспедиция началась!

Недостроенный лагерь ещё сладко спал, когда сквозь тающие остатки ночи с удочкой и куском привезённого из Ростова хлеба я пошagal к поселению. Место славилось обилием рыбы. Накануне вечером меня волновали постоянные всплески хищника на стремительном течении ниже ближнего бакена. Строго говоря, никакой нужды в скоропалительной рыбалке не было, действиями руководили старая страсть и привычка к ранним подъёмам, к тому же не терпелось взглянуть на памятник. Несмотря на рань, так тепло, что сланцев я плавок для костюма достаточно, однако из-за просторных карманов я набросил ещё брезентовую куртку. Светлая полоса на северо-востоке неба приглушила звёзды и уже позволяет следить по примятой траве вчерашнюю нашу колею. Но огонь костра на острове ещё яркое, очевидно, там туристы. Над тёмной водой лёгкая дымка и предрассветная тишина.

Делаю первое открытие, и оно не из приятных. Оказывается, кратчайший путь над Доном невозможен из-за заболоченного устья одного из родников. Я-то преодолеваю препятствие, сняв сланцы и обойдя участок по дну реки, благо, глубина чуть выше колен. Но вот студентам придётся ежедневно кружить по дороге, а это минут на пять дольше. Какой, однако, контраст ледяных струй родника и остальной донской воды!

Пока вожусь, нарастает утро. Вот побежала по речной глади первая рябь, обозначились детали пейзажа на дальних холмах, и разгорается нежной киноварью пятно над горизонтом, ещё минут пять и выкатит солнце. Но я уже у цели.

Весеннее половодье спало, свежий береговой обрыв, словно слоёный пирог. Вновь, как в июне, пытаюсь считать горизонты и опять сбиваюсь, всё-таки нужна зачистка. Теперь обнажены все береговые отмели, они усеяны находками, какая тут рыбалка! Я откладываю удочку и начинаю собирать в свободный от хлеба карман всё, что достойно внимания. Следы многих эпох, начиная от современных свинцовых грузил и медных колокольчиков-подвесов, утерянных неудачливыми моими коллегами – рыболовами, до обломков массивных костей ископаемых животных, очевидно, поднятых со дна работами земснарядов. Но больше всего остатков из перемытых слоёв древнего поселения. Среди рядовой «подъёмки» сразу нашёл несколько маленьких скребков и плохонькую трапецию, затем чёрное от долгого пребывания в сырости костяное острие. Всё это, плюс роговая саер-лёная мотыга, может относиться к неолиту, т. е. ко времени основных слоёв лежащего напротив островного Ракушечного Яра. Так, а вот копейка, 1878 год! Пуля. И, пожалуйста, керамика на любой вкус! Крупные фрагменты средневековых лепняков, и что-то красное толстостенное, как от пифоса. Ещё кремнёвая пластина, полупрозрачная ретушированная, ну, красота! Много кусков от срубных горшков: венчики, стенки, попадаются и знакомые Константиновские черепки с изящным шнуровым орнаментом. Есть неизвестные с воротничком, с толчёной ракушкой и кусочками охры в тесте. Да тут вся история в ассортименте! Давно

заполнен карман, загружаю второй, злополучный хлеб – насадку для рыбы – держу в левой руке. Выковыриваю засосанный в песок массивный пест из полированного песчаника, его в карман уже не положить. С этой находкой приходит отрезвление. Что это я? Ведь сейчас, после завтрака, мы все сюда вернёмся! Тогда и можно продолжить поиск. Что за жадность и спешка! Вон сверху летит по волнам Усть-Донецкая ракета, значит, 7 часов, пора поднимать лагерь. Назад иду по дороге: оттопыренные карманы, удочка под мышкой, в правой руке пест и мотыга, в левой – краюха хлеба. Так и не досталась рыбам, пока дошёл — съел сам.

Прошли первые дни, и новый памятник порадовал целым букетом открытий. Верхний слой поселения, помимо немногочисленного современного материала, содержал остатки казачьей станицы конца XIX – начала XX века. Ниже – метровый слой с находками хазарского времени. А под ними неожиданно оказались свидетельства скифо-сарматской эпохи. Вначале это были лишь маленькие обломки лепных горшков со слабо отогнутыми венчиками, рассечёнными нарезками. Такая посуда типична для многих периодов, поэтому для более точной датировки мы ждём других находок. Но вот несколько фрагментов светло-глиняных амфор: часть горловины, куски ручек. Затем тонкостенный черепок красно-лаковой керамики, стеклянная бусина и, наконец, трёхгранный бронзовый наконечник стрелы. Теперь ясно, это конец IV – возможно начало III века до н.э., – смутное время между последними скифскими и ранними сарматскими проявлениями.

Параллельно с верхним раскопом мы доисследуем небольшой участок внизу, над самой водой. Половодьем снесло всё, что было выше, а нижний ярус защитила от разрушения прослойка сцементированного временем мелкого известнякового гравия. Под гравием обнаружили два зольные пятна. Частичные прокалы подстилающего глинистого грунта, окружает скопление дроблёных створок раковин *Unio*. Расчищаем комплекс и радуемся каждой находке. Куски плотной серой керамики с ракушкой в тесте и лентами гребенчато-накольчатого орнамента нам незнакомы. Замечательны кремнёвые орудия на длинных ножевидных пластинах. Дымчатый полупрозрачный минерал как визитная карточка этого слоя, — ни ниже, ни выше такого сырья нет. Нет его и среди желваков донского русла. Ближайшие месторождения на Северском Донце километров за пятьдесят – расстояние для первобытности очень солидное.

Покрытые пылью два Алексея, сын и его тёзка-однокурсник, подходят с видом заговорщиков. Чего ещё они удумали?

- Папа, угадай с трёх раз, что нашли!

- Наконечник?

Мучители отрицательно вертят головами, приплясывая от восторга.

- Развал сосуда, – говорю я, подумав, и уже начинаю волноваться, ведь ребята работают как раз на нижнем участке.

Опять не то. Третью догадку я сказать не успеваю. Не выдержав напряжения, сын протягивает сжатую в кулак руку и распрямляет пальцы. На ладони лежит бежевая резная фигурка. Это – предел мечтаний! Главное, сразу стало ясно, что за слой мы исследуем.

Летом далёкого 1930 года под Мариуполем на левом берегу речки Кальмиус у впадения её в Азовское море строили завод «Азов-сталь». Бульдозеров и скреперов стройки первых пятилеток не знали и планировку площадки производили последовательной распашкой плугами. Когда таким образом было удалено почти полметра грунта, один из служащих Г.Ф. Кравец обратил внимание на яркое красное пятно среди чёрной земли и сообщил о своих наблюдениях в местный музей. Музей вызвал из Киева археолога Николая Макаренко. Так был открыт знаменитый Мариупольский могильник.

Исследователи столкнулись с трудностями. В наскоро сформированный отряд входило не более пяти-шести человек, а объём раскопок и темпы были очень жёсткими. За два месяца, работая по 12 часов в день, сотрудники расчистили 124 погребения, и какие! Ряды вытянутых на спине скелетов были буквально унижены невиданными орудиями и украшениями из камня и кости. Первым удивительные находки оценил авторитетнейший археолог России Александр Андреевич Спицын. Ещё до завершения работ он восторженно писал из Ленинграда Николаю Макаренко:

«Ваш Мариупольский могильник – поразительное открытие, от которого я хожу уже несколько дней сам не свой... Какие из всего этого выйдут последствия, даже представить нельзя. Придётся пересмотреть с новой точки все наши древние культуры. Вот оно что ваш могильник!».

Найденные вещи были настолько необычны, что даже три года спустя исследователь, публикуя результаты, осторожно сравнивал памятник с далёкими могильниками Прибайкалья, не находя аналогии на более близких территориях. Но ни в одном из погребений не было найдено керамики и во многом из-за этого обстоятельства местонахождение датировали неолитом. В дальнейшем, по мере накопления фактов, эти материалы постепенно включали в шкалу древностей Украины и к описываемым мною событиям уже были известны и другие подобные могильники в Поднепровье. Правда, окончательной ясности не было и теперь. Один из археологов рассматривал Мариупольский комплекс в рамках поздней фазы Днепро-Донецкого неолита, второй включал его в энеолитическую Азово-Днепровскую культуру.

Почему я вспомнил об этом, рассматривая на ладони сына мастерски вырезанную из пластины кабаньего клыка фигурку быка? Потому что среди многообразного инвентаря Мариупольских погребений были две подобные статуэтки, правда, Макаренко из-за фрагментарности изделий, посчитал их изображением свиней. Наша тоже повреждена, без головы, но что бык – несомненно: массивный круп, горбатая холка и характерный «воротник» передающий складки кожи и космы шерсти под согнутой шеей животного. Теперь, если связать найденный пластинчатый кремь (такой же в Мариуполе) и эти статуэтки, значит, мы копаем синхронный могильнику слой, а это уже привязка. К тому же обилие здесь керамики дополняет великолепный археологический комплекс Приазовских погребений, здорово! Но пока я прекращаю работы внизу. Надо набраться терпения и снижаться до такого же уровня на всём раскопе. Однако это ещё копать и копать!

А в лагере за эти дни сколотили обычные два стола: длиннющий обеденный и маленький для шифровки керамики. Подложили под пол каждой из палаток свежей соломы. Забрали струю родника в железную трубу, течёт как из водопровода, наладили дежурства. Можно жить.

Регулярно выборный наш завхоз инструктирует новый наряд: дежурную и двух дежурных. Выдаёт продукты, советует, да и сама помогает в трудную минуту.

Готовить пищу на костре для полусотни человек нелегко. Перед экспедицией друзья в который раз советовали мне отказаться от первобытного существования и взять газовую плиту с баллонами. Не уговорили. Я всегда помнил печальный кухонный опыт на раскопках под Новочеркасском. Тогда С.И. Капошина навязала нам газовую печь. Каково же было её возмущение когда, приехав через неделю, она увидела знакомую картину: весёлые языки пламени, копоть на котелках и уютный дымок!

- В чём дело, киса? Почему не пользуетесь газом?

- Кончился, Серафима Ивановна!

- Как кончился? Баллон рассчитан на месяц, что вы с ним делали?

- Варили кукурузу, вон её сколько, – кивнул я на колхозное поле, – а она кипит часа по три. Варим каждый день на весь лагерь, вот газу и конец.

- Какой же дурак варит в экспедиции кукурузу! – возмутилась начальница, - ну-ка скажите студентам, пусть наломают хоть полмешка для нашего отряда, вкусные, говорите, початки?

Наша печь-кормилица – квадратная сварная решётка из стального швеллера над прямоугольной ямой, вмещает сразу две огромные кастрюли, что позволяет готовить одновременно и борщ, и компот. Это выгодно, экономия топлива. Гигантская топка глотает дрова любой конфигурации. Удобно, сушняк не надо даже особенно ломать. Ежедневно пара дежурных собирает валежник и обеспечивает лагерь водой. Простые эти операции не сразу удаются студентам.

До родника не больше сотни метров. Володя глядит на мучительно волокущих по тропе сорокалитровый баллон студентов и не выдерживает:

- Давай, переливайте в кастрюли! Сейчас я покажу, как надо носить, идём, – говорит он тому, что покрепче.

И вот несут. На ходу лаборант объясняет, что надо синхронно и пружинисто шагать, чтобы экономить силы и не расплёскивать. Ставят баллон у печи, и вдруг Володя спрашивает, словно спохватившись:

- Да, а ты кран закрутил?

Ошалевший от неожиданности, новичок в панике бежит назад, и только сделав несколько шагов, понимает, что над ним подшутили. Возвращается под общий хохот, сконфуженный.

- У нас в общаге самое страшное, когда на кухне забудешь кран завернуть,- объясняет он свою реакцию.

Пройдёт несколько дней, и первокурсники освоят нехитрые навыки быта на природе: ранние подъёмы, разжигание костра, сон в палатке, неприхотливость в питании, ощущение физического труда. Не всем полевые условия придутся по вкусу, но учебная практика не блажь, а необходимость.

А на раскопе пошли зольники эпохи поздней бронзы. Послеледниковая пора известна климатическими колебаниями, и наука выделяет несколько сменяющих друг друга периодов, отличающихся сухостью, либо влажностью атмосферы, суровостью, либо мягкостью среднегодовых температур. Естественно, что все перемены отражались на условиях жизни на Европейской равнине, особенно в южной, степной её части. Если в 6-5 тысячелетиях до н.э. здесь существовали посёлки земледельцев финального неолита и раннего энеолита, то, начиная с 4 тысячелетия, их сменяет и преобладает почти на всём протяжении бронзового века пастушеское хозяйство. Лишь в середине второго тысячелетия до н.э. начинается новый климатический поворот, и в степи опять на некоторое время расцветает оседлое хозяйство. Это поздний бронзовый век. В Поволжье и на Дону он отмечен памятниками срубной общности.

Процессы развития много сложнее высказанной здесь прямолинейной связи истории и погоды. Потому так внимательна археология к каждой возможности прояснить картину прошлого. В нашем береговом обрыве видно как нижняя граница серой полуметровой толщины ленты зольного грунта вдруг крутой ступенью обрывается вниз, слой набухает, и далее тянется насыщенный прослойками гари, глиняных трамбовок и скоплениями костей. Метров через шесть опять ступенька, на этот раз наверх, и слой возвращается к нормальному состоянию. Ясно, река обрушила и унесла часть жилища. Ну, что же, приступаем к исследованию остатков.

Археологи 20-30-х годов прошлого столетия усиленно искали посёлки бронзового века. По многочисленным курганным погребениям для степного Причерноморья они давно выделяли ряд культур. Но синхронных поселений, или хотя бы стоянок, известно не было. Отчасти это объясняли кочевым хозяйством и соответствующим ему подвижным бытом. Теперь, когда срубные местонахождения насчитываются десятками, можно только удивляться невезению прежних исследователей. Лишь в 1929 году было открыто, а через три года частично исследовано поселение у хутора Ляпичев на Дону. Тогда впервые известные исследователи бронзового века Михаил Петрович Грязное и Михаил Илларионович Артамонов проследили остатки двух полуземляночных построек. Однако полную реконструкцию жилищ удалось сделать М.П. Грязнову лишь после новых раскопок того же памятника в 1951 году. Согласно ей обширный прямоугольный котлован имел разделяющую бревенчатую перегородку по центру. Она вместе с надстроенным по периметру пирамидальным срубом служила опорой камышовой или хворостяной кровли. Через входное отверстие в этой шатровой утеплённой слоем земли крыше можно было спуститься в просторное, до 100 квадратных метров, сводчатое помещение. Найденные сосуды и изделия из камня, металла и кости относились к срубной культуре.

Сейчас нам хотелось убедиться в том, что наблюдения предшественников были точны. Уже есть первые находки. Вот некоторые из них: набор костяных острий-спиц с протёртыми следами от нитей; горшки-корчаги, украшенные слабо-рельефными наклепными валиками с насечкой; сработанные тупики из нижних челюстей коров. Песты-курранты полностью соответствуют предметам из раскопок Грязнова. Аналогичны землянке в Ляпичеве и глубина котлована и его заполнение золой вперемешку с костями домашних животных. Однако попытки проследить конструктивные особенности жилища оказались тщетны. Многообещающий разрез при расчистке превратился в узкий, не шире метра, косой участок пола жилища вдоль одной из частично сохранившихся стенок. Всё остальное съел Дон. Вот почему так много перемытого срубного материала мы собрали на отмелях!

Лежащие ниже горизонты сильно разрушены хозяйственной активностью срубных племён. Вырытый котлован и несколько ям неясного назначения перемешали подстилающие слои. Между тем разрозненные находки керамики, украшенной рядами наклепных валиков, и несколько фрагментов с орнаментом, нанесённым тесьмой, свидетельствовали о том, что люди жили здесь и в пору существования культур многоваликовой керамики и катакомбной, в более раннюю эпоху средней бронзы.

Не потревоженным оказался лишь следующий после разрухи плотный светлый глинистый слой с остатками раковин речной улитки-живородки. Но находок в нём было до обидного мало. Только тяжёлые куски

толстостенных горшков. Обильная примесь ракушки в тесте, грубые расчёсы по обеим поверхностям, венчики-воротнички, да горизонтальные строчки орнамента в верхней части посуды – вот что выделяло их из керамики других слоёв. Орнаменты: оттиски крупно-виткового шнура, редкие жемчужины на горловине и ряды «отступающей лопаточки». Ну, конечно же, это Репин Хутор, ранняя бронза! На меловом холме у впадения реки Иловля в Дон исследовал этот странный памятник саратовский археолог Иван Васильевич Си-ницын. Дело было ещё в 1959 году и крупные фрагменты неведомой круглодонной керамики тогда можно было сравнить только с материалом из многослойного поселения Михайловка на Днестре, тоже загадочного памятника. Теперь такая посуда известна и юд Воронежем, да и я, в 1978 году, копал в Вешенском районе у упомянутого хутора Затон синхронное поселение. Традиционно памятники «репинского» типа относили к ранней бронзе. Важно, что здесь слой лежит в стратиграфической колонке, это уточнит относительную хронологию,

А глубже пошла знакомая Константиновка! Мы с Леонидом как родным радуемся плотным тонкостенным фрагментам с косым срезом венчика и шнуровым узором на раструбах горловин. Вот и знакомые кусочки красной керамики, есть части очажных подставок и кремьень, кремьень! Асимметричные наконечники стрел характерны именно для этой культуры. Встречены очаги, развалы мелких камней- всё так, как и прежде.

Материала настолько много, что я всё чаще остаюсь в лагере следить за обработкой найденного. На раскопе уже командует Лёня. За десять лет знакомства мы научились с полуслова понимать друг друга, работать вместе легко и радостно. Приятно и то, что из города на два-три дня, а то и на неделю, регулярно приезжают старые опытные кадры. Опять, как в былые годы подслеповато возится на квадрате Толя, поёт у костра Николай, озорует неистощимая на выдумки Таня по кличке «Заяц». Это с тех пор, как в давние времена её практики ребята нашли на константиновских холмах пушистый заячий хвостик – следы удачной охоты лисы, и подарили находку румяной первокурснице. Теперь молодая учительница старших классов, пользуясь отпуском, вновь окунулась в прошлое. Практиканты не могут понять, отчего взрослые люди добровольно копают под жарким солнцем, безропотно принимают мои распоряжения, безвозмездно тратят деньги на билеты и при этом веселятся как дети.

- Ты откуда такая приехала? – уныло спрашивает у Людмилы первокурсник, с тоской провожая взглядом каждый взмах её энергичной лопаты,

- Из Пицунды.

- Из Пицунды! Это ведь курорт на море! – глаза студентов круглятся от изумления.

- Ну да. Я там живу, работаю, а сюда приезжаю в отпуск, там скука, а здесь здорово.

- Стала бы я сюда ехать в отпуск из Пицунды! – брезгливо оглядывает кучи нарытой земли красивая девчонка, – мне бы сейчас на море, я бы...

«Старики» понимающе переглядываются, улыбаются, возможно, вспоминая себя десяток лет назад.

Разгар знойного лета. Грязь и усталость народ смывает на пляже. После большой весенней воды вдоль русла, размывая образовавшиеся мели, поработала землечерпалка. Благодаря её усилиям у нас золотые дюны из поднятого со дна песка, красота! Стремительные чистые струи, тенистая зелень, добрая рыбалка на перекатах – чем не курорт!

На выходные приехала жена с детьми, я счастлив – все три сына со мной. Младшему семь лет. Широко раскрытыми глазами он глотает окружающий мир, стремясь ни в чём не отстать от старших. А Леонид ловит бабочек. Здесь их так много, что начатая им ещё в школьные годы коллекция пополняется ежедневно. Ловит серьёзно, самодельный сачок всегда наготове. Порой в разгар беседы, или за обедом его взгляд застывает, а миг спустя он уже мчится, перепрыгивая препятствия, с криком «Перламутровка большая», или «Медведица-Гера»! Поймав, тщательно осматривает и чаще всего отпускает, в коллекцию идут лишь экземпляры идеальной сохранности. По вечерам на краю стола разворачивается священнодействие. Лёня распрямляет по пенопласту крылья драгоценным трофеям и охотно объясняет собравшимся студентам особенности коллекционирования:

- Ночные бабочки бывают очень красивы, особенно задние крылья. Их трудно сохранять, а ловить несложно, днём они прячутся, затаиваются в тени, в палатках, например, там их можно осторожно накрыть.

Зубоскалы тут как тут, хулиганят.

- Женька, ты понял, где надо красивых ловить? Прямо в палатках и днём. Владимир Яковлевич, вы разрешаете?

Мой младший не отстаёт от Лёни ни на шаг. В городе он ничего подобного не видел. Подходит сбоку и говорит просительно:

- Папа, а ты мне купишь такой бабахлоп?

- Это называется «сачок», — улыбаюсь я.

Но уже поздно. Слово услышали сидящие рядом, и пришли в восторг.

- Эй, бабахлопы, вперёд! Накрывать осторожно, без шума!

- Да уж куда там, нашлись бабахлопы, – кривятся девчонки, но тоже смеются.

Нет сомнений, что новорождённое слово надолго войдёт в анналы экспедиции, и будет обыгрываться в праздничных капустниках наряду с другими «перлами» нашей лингвистики.

Радостно видеть, как постепенно возрождаются на новом месте многолетние Константиновские традиции. Прошёл «Вечер ответов на все вопросы», на носу коллективный День Рождения, готовимся и ко Дню Археолога. Пусть студенты ежегодно другие, но распорядок прежний, старые друзья, всё тот же Дон. Вот только уже не так резво взбираюсь я на крутые склоны, появились в полевой сумке очки, да перестали выгорать на солнце волосы. Они теперь белые даже в начале сезона.

Однако раскоп здесь сложнее, работа интереснее. Под Констан-тиновским слоем пошёл удивительный материал. С одной стороны -вроде та же посуда, одинаковы мотивы узоров, но орнамент нанесён не шнуром, а рядами мелких аккуратных насечек и, вместо красной керамики, тонкостенные черепки слюдяного теста с серым и чёрным лощением. А ниже фрагменты с прочерченными и проглаженными линиями характерными для культур энеолита на Украине. Затем два горизонта с воротничковой керамикой рыхлой и серой от большого содержания ракушки в тесте. На этом уровне уже и кремль иной и плоские днища встречаются. И, наконец, мы дошли до Мариупольского слоя!

Аккуратно расчищаем поверхность с двумя очажными пятнами. Увы, резных фигурок больше нет, зато несколько перламутровых бусин и орнаментированная пластина из кабаньего клыка – почти копии вещей из могильника. И, что важно, есть развалы керамики, позволяющие частично восстановить форму сосудов.

Под культурными остатками идёт вроде стерильный суглинок с песком. Но по обрезу берега мы знаем, что это ещё не конец. Просто чистая толща отражает хронологический разрыв между периодами жизни. Последний, если считать сверху, а на деле первый, самый ранний слой оказался беден. Но находок всё же достаточно, чтобы понять – перед нами Ракушечноярский неолит, такой, как и на острове напротив. Жилой горизонт почти на уровне современной реки, а вышележащие пласты общей мощностью до 6,5 метров! Значит, в далёкую неолитическую эпоху здесь не было высокого берега, а в удобной бухте, где причаливали челноки пересекавших реку островитян, возникли хижинки у переправы. А позднее, когда из хозяйственных соображений жизнь на коренном берегу стала привлекательнее, появился настоящий посёлок. В дальнейшем, удобное место (рядом с родником) было обитаемо во все времена. Постоянное накопление культурных остатков и периодические наносы реки постепенно заполнили бухту, сравнив её с окружающей береговой кромкой и подарив нам уникальную для степных памятников стратиграфию.

Не всё нам было понятно в конце первого сезона. Ясно лишь, что имели мы дело с интереснейшим комплексом, изучать который надо серьёзно и длительно. Вопрос о следующей экспедиции и практике был предreshён.

Конец августа выдался особенно тёплым. Созрели груши и сливы в кронах окружающих лагерь одичавших деревьев, побурели ягоды на кустах шиповника, кучкующихся по склонам холмов. Старожилы экспедиции и добровольцы студенты заканчивали чертежи и полевую обработку находок, варили роскошные компоты, вечера у костра затягивались полночью. Уезжать не хотелось. За два месяца мы сроднились с этим великолепным краем, прониклись провинциальной задушевностью станичников, влюбились в разнообразный и интересный материал памятника.

Наступил день прощанья. Уже нет машины, она увезла часть людей и основной груз ещё вчера. Последнюю кладь нам помогает подбросить к пристани знакомый работник местного кирпичного завода. У него есть тракторная тележка. Едва успеваем подкатить, как звучит сирена, это подходит из Семикаракор судно, наш рейс. И вот сходни, красавец «Метеор» дрожит от нетерпения. Сверху из рубки несутся энергичные выражения капитана, недовольного темпом нашей погрузки. Перенесены в салон тяжёлые рюкзаки, сняты канаты с причала и поехали. До свидания, Раздоры, мы вернёмся!

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 2, 2004 г.

* Леонидом Тимофеевичем Агарковым в окрестностях ст. Раздорской были открыты древние поселения Ракушечный Яр, Раздорское I и Раздорское II. – Прим. ред.